

Н.В.Венгер

**КАЗУС «ЛИКВИДАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА»:
ФАКТОРЫ АНТИКОЛОНИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ
И АНТИКОЛОНИСТСКОГО СОЗНАНИЯ В ДИНАМИКЕ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПОЗДНЕЙ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (на примере истории
меннонитского предпринимательства)**

Вивчається вплив світоглядних та психоментальних факторів на процес формування антиколоністської свідомості та участь менонітських підприємців у даному процесі.

Обоснование темы. Начнём с небольшого экскурса в прошлое. Сюжет № 1. 1819 г. Меннонит селения Шензе Иоган Тевс выстроил мельницу на р. Токмак. Предприятие располагалось на земле меннонитов, но связанная с мельницей плотина занимала часть владений государственных крестьян. Периодически весной собственник предприятия спускал воду, вызывая затопление близлежащих территорий и протесты местного населения. Тяжба между Тевсом и государственными крестьянами длилась вплоть до 1850 г.¹

Сюжет № 2. Заградовка. Ближе к середине столетия. К кузнецу Иоганну Крекеру привели русского мальчика из соседней деревни. Ребёнок случайно натянул на шею металлическое кольцо. Кольцо плотно обхватило шею, и попытки снять его не приносили результатов. Крестьяне не доверяют русским мастерам. Они просят Крекера аккуратно разрезать кольцо, не причинив вреда ребёнку. Кузнецу удалось снять деталь через голову, не повредив саму вещь, которая, к тому же, оказалась пригодной для дальнейшего использования. С этого момента крестьяне стали называть ремесленника «святым Иваном». Они были абсолютно уверены в том, что мастер совершил чудо².

Сюжет № 3. 1915 г. Колония. Ольгофельд. Молочная. Предприятие Якова Нибура, российского подданного подлежит секвестру. Несмотря на то, что секвестр означал не полное, а лишь временное отторжение собственности, или же контроль над ней, владелец полностью утратил своё предприятие. Остаток жизни Я.Нибур прожил, за-

нимаясь фермерством, а в сложные для него годы не отказывался от случайных заработков, включая работу могильщика на кладбище.

Как следует из выше приведенных эпизодов, история взаимодействий между меннонитами-предпринимателями и представителями различных этнических групп содержит примеры, наполненные различными сантиментами и интенциями. Почему же, несмотря на наличие позитивного опыта общения и соседства, квинтэссенцией, эпилогом этих отношений становится именно конфликт? Какова этимология явления «Ликвидационного законодательства» в России? Принимая во внимание тот факт, что «Ликвидационное законодательство» было последним социальным конфликтом общероссийского масштаба перед переворотом 1917 г., неизбежно поднимается вопрос о том, какое влияние данный всплеск национализма 1914-1917 гг. оказал на будущее государства? В поиске ответов на данные вопросы мы будем намеренно избегать рассмотрения экономических и внешнеполитических предпосылок и обстоятельств данного конфликта. Признавая важность последних, автор статьи ставит целью прояснение мировоззренческих, нематериальных, психоментальных причин этого, как казалось для некоторых, необъяснимого озлобления, которое вдруг ощутило на себе немецкоязычное население России.

Изложение материалов исследования. В социальном отношении российское общество было многословно. В ходе модернизации в стране происходило одновременно несколько социальных эволюций (аграрная, пролетарская, буржуазная, дворянская), каждая из которых имела свою отдельную цель. В связи с этим также было бы интересно понять, почему на этапе Ликвидационного законодательства нация фактически консолидировалась вокруг идеи ненависти к «другому». Совершенно очевидно, что причины этого не могут быть обусловлены чисто патриотическими мотивами. Конечно, было бы соблазнительно свести проблему к противоречиям, не зависящим от самих колонистов, высматривая только внешнюю вину, обвиняя российский «Мир» в несправедливом отношении к другим подданным государства. Однако в данных противоречиях колонисты и меннониты играли роль одного из факторов того многосекторного силового поля, которое сформировалось вокруг немецкой проблемы, объединяющей локальные интересы. Исторический феномен Ликвидационного законодательства может быть воссоздан только через реконструкцию действий всех его участников. В данной статье мы обращаемся к проблеме роли меннонитского антрепренёрства наиболее актив-

ной части меннонитского социума, которая также не была посторонним субъектом названного конфликта.

Социальные отношения в государстве не являются статичными. Это живая конструкция, которая имеет тенденцию к развитию и формированию. В системе данных интеракций каждая отдельная социальная группа имеет свою «социальную презентацию». Презентация (в контексте данного исследования) – это образ (имидж) этнической группы, возникающий в обществе в результате соседского проживания, наблюдения, сотрудничества, либо внешнего насаждения (внушения) со стороны власти, либо другой влиятельной социальной группы. Образ может быть как прямым, так и опосредованным. Опосредованный имидж – это готовое восприятие (образ), которое было сформировано некоторой социальной, классовой либо другой группой и предложенное, целенаправленно переданное, либо настойчиво насаждаемое другой части общества, т.е. опосредованный образ – это «технология», которую власти сознательно используют для достижения политических целей. В течение проживания на территории империи российские меннониты были представлены как минимум двумя «презентациями» – образами. Первая, официальная, была сформирована правительством и основана на отношении властей к колонизационному потоку, представленному меннонитами. Вторая презентация явилась прямой рефлексией, вызванной непосредственно представителями меннонитских конгрегаций (в результате общения и взаимного наблюдения).

Основы первой презентации были заложены чиновниками Попечительных органов: С.Контениусом, Э.Ришелье, А.Н.Инзовым. В материалах делопроизводства и эпистолярном наследии мы встречаем достаточно выразительные высказывания, отражающие позицию деятелей колонизации, сформированную в процессе сотрудничества с меннонитскими поселениями. Чиновники передавали её в вышестоящие органы, тем самым, формируя образ колоний, представления об их роли в развитии процессов модернизации, который впоследствии опосредованно транслировался всему российскому обществу. Например, в 1806 г. херсонский губернатор Дюк де Ришелье писал: «Что Вам сказать о наших колонистах? Они всё такие же, то есть меннониты изумительны, болгары – бесподобны, а немцы – несносны»³. Намереваясь добиться выделения дополнительных средств на обустройство колонистов, он же писал: «Я всегда придерживался мнения, что как бы плохи не были колонисты, это всегда хорошо вложенные средства»⁴. Генерал-лейтенант Инзов, в 1821 г. пересылая императору

просьбу меннонитов о подтверждении дарованных им привилегий, поясняет, что «меннониты по образованности и способности их вникают в сущность вещей», поэтому требуют внимательного отношения к их нуждам⁵. Более поздние позитивные высказывания встречаются неоднократно в записях чиновников, занимавшихся регуляторной политикой в отношении колонизационных групп (А.Клаус, А.М.Фадеев)⁶.

С начала 1840-х гг. власти интенсивно изучали и распространяли опыт наиболее успешных отдельных колонистских групп, и, прежде всего, меннонитских селений. Эта программа была связана с попытками министра П.Киселева реформировать государственных крестьян. Проблема состояла в том, что российские крестьяне не принимали волевого участия в разработке программы. Они были объектами воздействия, что во многом предопределило неудачу проекта. Насильственное внедрение модели, выработанной меннонитами, вызывало негативную реакцию местного населения по отношению к самим меннонитам. Таким образом, действия властей непреднамеренно становились причиной если не современной им, то будущей поляризации общества. Ставя меннонитов и православных крестьян по разные стороны успеха, объявляя одних хорошими и сознательными хозяевами, и признавая других неудачниками в их практической деятельности, они спонтанно закладывали основу будущих противоречий, тот протестный потенциал, который проявит себя в социальных конфликтах будущего. Таким образом, в первой половине столетия власти были авторами двух презентаций меннонитских колоний. Кроме позитивного имиджа, их действия обусловили возможность формирования негативного образа.

В свою очередь меннониты являлись непосредственными трансферами материала – источника формирования собственного образа. С точки зрения внешних контактов предпринимательство было наиболее активной частью меннонитского общества, следовательно, несло непосредственную ответственность за результаты общения, имидж общин. Вступая в контакт с жителями соседних поселений, антрепренёры становились субъектами производственного интеллектуального и кросскультурного обмена. Нередко именно ремесленники были первыми представителями меннонитских общин, которые устанавливали контакты с соседними поселениями. Эта представительская миссия меннонитского предпринимательства была исключительно важной. В этой связи антрепренёрство нередко становилось «лицом конгрегации».

Следует принять во внимание, что контакты между соседями не всегда были бесконфликтными. Интересы предпринимателей-меннонитов периодически вступали в противоречие с интересами соседних российских и украинских жителей. Вернёмся к конфликту вокруг мельницы Тевса (сюжет №1). Данная проблема решалась десятилетиями. Это значит, что каждую весну противостояние возобновлялось, откладываясь в памяти не отдельных лиц, а целых групп. Как вспоминал исследователь колонизации Скальковский, жители болгарских колоний отказывались передать болгарских мальчиков в обучение меннонитским ремесленникам⁷. Таким образом, незначительные бытовые конфликты или другие результаты межэтнических интеракций сохранялись в этнической памяти народа и имели способность проявлять себя в устойчивых образах и стереотипах, которые сохранялись в пластах мировоззрения. Несомненно, добросовестность меннонитских ремесленников и высокое качество их изделий должны были вызывать добрые отношения к их производителям. Но мы должны также признать, что особенность этнической памяти в отношении инородцев (чужих), состоит в спонтанном преимущественном запоминании негативного. Это объясняется чувством этнического самосохранения: необходимо знать источник возможной угрозы, чтобы в дальнейшем избежать его. Меннониты стремились сохранить свой мир изолированным. Для окружающих их национальных групп они оставались «вещью в себе», неизвестным и, следовательно, таящим в себе угрозу объектом. Данные сантименты не приводили к открытой конфронтации между российским обществом и меннонитами. Два альтернативных образа находились в равновесии, латентном состоянии. Их дальнейшее развитие зависело во многом от позиции властей. Для российского общества, обладавшего статистским сознанием, был свойственен синдром доверия к властям. Всё, что говорилось сверху, особыми, облаченными властью людьми, обладало кредитом доверия и часто принималось за априорную истину. Это было особенно актуальным для народных низов. В этой ситуации именно власть, царизм несли ответственность за сохранение социального мира в империи.

Положение меннонитов в России во многом зависело от паритета презентаций. Объяснительный механизм позитивного отношения властей к меннонитскому населению может быть найден в рамках теории о «призванной диаспоре». Автором теории о «Мобилизованной» (или «Призванной») диаспоре является социолог Джон Амстронг⁸. «Призванная диаспора» – этническая группа, которая, не яв-

ляясь аборигенной (исторически свойственной для данной территории) национальной группой, находясь на позиции национального меньшинства, тем не менее, пользуется значительными преимуществами и привилегиями в конкретном полиэтническом обществе. Важнейшими операционными свойствами данной группы являются: 1) её особая роль (функция) в системе экономических и социальных отношений в рамках отдельного государства; 2) консолидированность диаспоры, чёткая самоидентификация всех членов диаспоры, нацеленность на этнический коллектив. Чем более добросовестно меннониты выполняли свою функцию показательных фермеров и толковых хозяйственников, тем ближе они приближали тот момент, когда государство откажется от выполняемой ими миссии.

В ходе подготовки крестьянской реформы 1860-х гг. власти впервые использовали элементы «антиколониистской пропаганды». Данный поворот в политике российского правительства был прерван необходимостью оправдания своих действий по реформированию колоний и отмене сословного статуса и привилегий меннонитов. Используя методы антиколониистской пропаганды, власти, таким образом, достали из подсознания и активизировали элементы антиколониистских настроений. Поскольку эти идеи транслировались обществу из уст власти, они приобретают доминирующую позицию. Спровоцированные правительством (вольно или невольно) антиколониистские настроения достаточно прочно закрепились в общественном сознании российского общества, обретая при этом своё собственное независимое существование, становясь важнейшим фактором политического процесса, оформляя, провоцируя, усиливая национальные и социальные конфликты в империи.

Антиколониистская пропаганда и антиколониистские настроения стали основой для более опасного для меннонитов и немцев, а также для социального здоровья российского общества в целом явления «антиколониистского сознания», которое, возникнув однажды в последней трети столетия, уже более не исчезало, а периодически возрождалось и использовалось не только властями, но и отдельными социальными группами для достижения своих специфических, часто корыстных целей, являясь питательной почвой для бесконечных социальных конфликтов. Составляющими «антиколониистского сознания» были представления о меннонитах как о конфессиональной группе, которая достигла благосостояния лишь благодаря привилегиям, и продолжает обогащаться, накапливая собственность и земли; которая испытывает враждебное отношение к коренному российско-

му населению, не рассматривает Россию в качестве своей Родины и в любой момент может предать Отчество, иммигрируя за пределы империи либо каким-либо другим образом, перейдя на сторону врага. Наверняка поначалу многие противились антиколониистским идеям, но по мере того как «цена вопроса менялась», общество всё чаще демонстрировало свою нерепрезентативность в отношении «объективной действительности».

Наихудшие последствия подобного рода настроения сулили для меннонитов и немцев (бывших колонистов) ещё и потому, что именно их пример чаще всего использовался властями как в процессе позитивной «колониистской» (до 1860-х гг.), так и последующей «антиколониистской» пропаганды. Понятие немец-колонист и меннонит обрели свой устойчивый коннотационный образ, экстраполированный на всё немецкоязычное население России. Даже после ликвидации статуса колонистов словосочетание немец-колонист не исчезло из общественной лексики, а поведение немцев – бывших колонистов и меннонитов часто оставалось колониистским, сословным.

Таким образом, «антиколониистская пропаганда» и её порождение «антиколониистское сознание» сохраняло своё значение и после 1871-1874 гг., поскольку субъект, присутствие которого использовалось для провоцирования данного рода настроений, по-прежнему занимал достаточно значимую позицию в экономической и социальной жизни российского общества. Коннотационный негативизм понятия «колонист» в последующем был поддержан новым историческим контекстом. Антиколониистское сознание – пассивная форма национальной ксенофобии, которую возможно было реактивировать и экстраполировать из формы сознания в форму деятельной активности.

Именно «антиколониистское сознание» было благоприятной почвой, на которой в связи с внутриэкономическими обстоятельствами и внешнеполитической ситуацией появились ростки более комплексного явления российской действительности – «немецкого вопроса». Превращение элементов «антиколониистского сознания» в «немецкий вопрос» как устойчивый элемент российских общественно-политических настроений, было вызвано реальными политическими и экономическими предпосылками. В качестве «первоотчетчика» выступила внешнеполитическая ситуация, которая впоследствии обрела дополнительную внутриэкономическую основу. При этом внутренние и внешние обстоятельства подогревали и взаимно влияли друг на друга, способствуя в эскалации конфликта. Дальнейший генезис «немецкого вопроса» сопровождался растущим противостоянием ме-

жду набиравшим силу и влияние немецким компонентом в аграрном секторе и промышленности, с одной стороны, и интересами российских помещиков и предпринимателей – с другой, что придавало ему стойкость и обеспечивало импульс последующему развитию. Немецкий вопрос насаждался сверху, но находил социальный резонанс во всех слоях российского общества, в том числе и в среде российского крестьянства (цена «вопроса» – земля!).

В ходе антинемецкой пропаганды настроения властей существенно меняются. Если ранее благосостояние немцев объяснялось трудолюбием и другими положительными качествами колонистов, то теперь государство культивирует образ немца-врага, нахлебника, который пользуется исключительными привилегиями в государстве, ничего не возвращая обществу взамен. Таким образом, характер государственной презентации в отношении колонистов кардинально меняется, принимая жесткий и бескомпромиссный характер.

В результате реформ было уничтожено колонистское законодательство. Это значило, что отдельные социальные группы были подчинены различным разделам Российского законодательства. Меннонитское общество, таким образом, сегментируется. Процесс социальной стратификации принимает более выраженный характер. Целостный образ разрушается. Поскольку меннониты настаивали на сохранении особого статуса в государстве (хотя бы в отношении вопроса о воинской повинности), им следовало прилагать дополнительные усилия для формирования позитивных отношений с властью и обществом. В условиях формирования в России демократической системы и развития демократического климата данные референции должны были быть направлены не только на властные структуры, но и на другие категории населения. Этот важнейший момент был упущен из поля дипломатической стратегии лидеров общин.

Внутренним экономическим источником немецкого вопроса на этапе его возникновения (70-е гг. XIX в.) являлась преимущественно земельная проблема. Несмотря на то, что темпы промышленного развития России существенно возрастали, в последней трети XIX ст. предприниматели имели всё ещё неограниченный простор для приложения своих талантов и капиталов⁹. Антинемецкие настроения, на данном этапе развития конфликта, не затрагивали меннонитскую (и немецкую) колонистскую промышленность, однако, бесспорно, оказывали влияние на конфессиональные и этнические чувства антрепренёрства, блокировали возможности реализации их предпринимательских талантов в будущем, провоцировали возникновение чувства

маргинального дискомфорта для всех представителей немецкоязычного населения в Российской империи. Практически это выражалось в намерениях меннонитов-предпринимателей сохранять более тесные связи с колониями, влияло на формирование меннонитских предпринимательских корпораций по конфессиональному признаку, в определённой степени сдерживало их антрепренёрские амбиции и дальнейшее формирование предпринимательского этоса.

Несмотря на то, что антинемецкие настроения не носили постоянного устойчивого характера, тем не менее, предприятия, принадлежащие предпринимателям с немецкими фамилиями, независимо от гражданства и происхождения, находились под постоянным наблюдением. Так, в 1900 г. фабричная инспекция (документы не объясняют причину акции) провела исследование внутренних отношений на предприятиях, где традиционно на руководящих должностях использовались иностранцы, либо представители нерусской национальности. В своём отчёте старший фабричный инспектор Екатеринославской губернии изложил результаты проверки: «Директоры-иностранцы и их помощники-компаньоны ненавидят и презирают русских рабочих... Тою же монетою платят им рабочие. В этом нет ни малейшего преувеличения»¹⁰. В свою очередь, старший фабричный инспектор Херсонской губернии сообщает об иных результатах исследования: «Случаи грубого обращения мастеров и заведующих иностранцев с русскими рабочими в Херсонской губернии представляют собой единичные акты и не имеют общего характера»¹¹.

Случалось, что сами меннониты, сами того не желая, предоставляли материал для обвинения их в нелояльности и непочитании властей. В связи с этим достаточно показательным является конфликт, который произошёл в июле 1910 г. в с. Хортица. Это случилось накануне празднования дня рождения Его Императорского Высочества Государя Наследника и Великого Князя Алексея Николаевича. Уездный исправник Шевченко предупредил владельцев предприятий с. Хортицы о необходимости вывесить на зданиях заводов государственные флаги. Как докладывал впоследствии исправник, А.А.Вальман, а вслед за ним и другие меннонитские промышленники отказались выполнить данное распоряжение, ссылаясь как на отсутствие флагов, так и на недостаток времени. Оценивая ситуацию ретроспективно, данный поступок не отличался своей дальновидностью. Однако для нас он свидетельствует о многом. Хотя бы о том, что предприниматели на данном этапе, за четыре года до начала антинемецкой кампании, чувствовали себя достаточно уверенно. Характерно, что Нибуры

утвердили устав своего предприятия, «Санатория «Александробад» 25 февраля 1913 г., за полтора года до военного конфликта. В список акционеров были включены подданные Германии – представители династии Бетхер¹². Невозможно предположить, что подобное могло бы случиться позднее, на этапе эскалации «немецкого вопроса» в 1914-1917 гг.

Как свидетельствовал в объяснительной записке исправник, «...вышеизложенные действия немецкого населения во главе с Вальманом положительно деморализуют местное население, проживающее в с. Хортице и состоящее преимущественно из рабочего класса»¹³. Таким образом, как это следует из отчёта, Вальман, который опасен как «немец», подчиняет своему влиянию всех рабочих его предприятия, создавая нестабильную ситуацию в селении (подтверждает тезис о внутренней угрозе). В конфликт также были втянуты и другие хортицкие промышленники. Дознание не повлекло за собой сиюминутных последствий, но наверняка должно было отложиться в памяти. Особенно показательным является одно из употреблённых исправником выражений: «О непристойных отношениях Вальмана и подчинённых ему лиц немецкого происхождения...» В последней фразе содержится тот «лексический» код (речевая конструкция), который ещё раз свидетельствует о присутствии «немецкой проблемы» в общественном сознании.

С возникновением парламентского строя – новой формы власти – и после ликвидации привилегий меннониты проигрывают в борьбе за свой социальный имидж. Они, например, упустили возможность создания единой меннонитской политической партии «Союз свободы, правды и мира», инициатором которой выступал П.М.Фризен¹⁴. В тактическом отношении они проиграли первые выборы в Первую Государственную Думу. В связи с этим Дэвид Эпп, издатель журнала «Der Botschafter», один из самых влиятельных представителей интеллигенции, который, между прочим, пробовал себя в предпринимательстве, в 1906 г. обращался со страниц своего издания: «Мы больше не гости на этой земле, а её дети. Мы получили права детей, но почему же отказываемся от своих обязанностей»¹⁵.

Следующий этап развития «немецкого вопроса» в России связан с началом Первой мировой войны. Он стал апофеозом всего предшествующего хода антиколонистской пропаганды. В развитии конфликта, кроме реальных политических причин, особое значение приобретает субъективный фактор.

К началу XX ст. ситуация в российской промышленности существенно изменилась. На усиление кампании влияла монополизация русского рынка дочерними предприятиями германских монополий химической промышленности и крупнейших электроконцернов (например, «Сименс»)¹⁶. На сей раз мероприятия по борьбе с немецким засильем разворачивались в аграрном секторе, промышленности и торговле.

Ликвидационное законодательство – серия законодательных актов, обсуждаемых, принимаемых и действующих в России в течение 1914-1917 гг., направленных на ограничение землепользования, землевладения и в целом влияния иностранного, преимущественно немецкого капитала в России. В отдельных направлениях хозяйственной жизни Ликвидационная политика значительно различалась как по целям правительственной политики, так и по её методам. Независимо от сферы их применения, данные законы были направлены против германской, а на деле – также и против колониальной собственности, а следовательно, затрагивали непосредственно интересы меннонитов, занимающихся предпринимательством, как на территории поселений, так и за её пределами, поскольку антрепренёры были, прежде всего, собственниками. Общая особенность «Ликвидационной» программы также состояла в том, что, возникнув как проект, направленный против подданных государств, с которыми воевала Россия, она вскоре превратилась во внутреннюю экономическую войну против немецкоязычного населения России. Большинство антрепренёров являлось землевладельцами. При этом значительное количество мелких и средних меннонитских предприятий было расположено на землях, находившихся в их собственности, и этот вопрос в законодательстве совершенно не оговаривался. Мы не можем также обойти стороной и психологическую, моральную сторону проблемы, тот психологический прессинг, который испытывал каждый из тех, кто попадал под категорию «немец».

Уже на начальном этапе войны определённые круги буржуазии обратились к правительству с требованием решительных действий в отношении «немецкой» промышленности. Московское купечество провело анкету по вопросу о немецком засилье¹⁷. Представители II Съезда Объединённых дворянских обществ (апрель 1915 г.) приветствовали появление первых антинемецких законов. Они утверждали, что их мнение строится «на ясном осознании бесполезности землевладения немецких колонистов и на распространившемся в народе законном к ним антагонизме»¹⁸. Подобные общественные настроения

предоставили правительству «мандат» на более решительные действия. В общей системе антинемецкого законодательства мы остановимся на тех из них, которые, в конечном счёте, независимо от их первоначальной направленности, поставили под удар «колонистскую промышленность».

Положение Совета Министров от 10 мая и Указание от 1 июля 1915 г., предоставляли правительству полномочия ликвидировать торговые и промышленные предприятия независимо от того, действовали они по германскому либо по русскому уставу¹⁹. 16 марта 1915 г. было Высочайше утверждено Положение Совета Министров о назначении правительственных инспекторов для надзора за деятельностью некоторых торгово-промышленных предприятий. Приведенный закон имеет целью обеспечить интересы государства при сохранении данного права и наблюдения за финансовой деятельностью предприятий во избежание вывоза прибылей в воюющие с Россией государства²⁰. 12 января 1916 г. был принят закон о порядке заведывания и управления секвестрированными предприятиями и имуществом²¹; 16 января 1916 г. – о правительственном надзоре за деятельностью торгово-промышленных предприятий, владельцы которых являются неприятельскими подданными²²; 22 октября 1916 г. – об изменении действующих правил о порядке заведывания и управления секвестрированными предприятиями и имуществом²³; 25 октября 1916 г. – Положение Совета Министров о порядке ликвидации промышленных предприятий, расположенных на подлежащих отчуждению землях неприятельских подданных и выходцев²⁴.

Следует также упомянуть, что антрепренёры были наиболее активной частью общества, принявшей участие в правозащитной «эдовокаси»-кампании. 17 января 1917 г. от имени меннонитов к императору Николаю обратились И.Е.Тиссен и А.Я.Браун, уполномоченные от меннонитов Екатеринославской и Таврической губерний. К обращению прилагалась записка «О ликвидации земель меннонитов». В записке содержалась информация о многочисленных нарушениях, например о том, что в процессе реализации законов отчуждению подвергались не только земли, но и другое частновладельческое имущество, торговля, промыслы и фабрично-заводские предприятия. И.Тиссен высказывал опасения по поводу влияния ликвидационных законов на дальнейшее состояние российской промышленности. Неизбежным последствием беззакония станет «совершенное опустошение роскошного культурного края... Должны быть немедленно ликвидированы по позднейшим постановлениям даже предприятия, ра-

ботающие на оборону, как-то: мукомольные мельницы, заводы, вырабатывающие снаряды, и статья для военных нужд, повозки для армии, двигатели и прочее»²⁵. «Надежд на то, чтобы ликвидационное управление не сгубило заводов и фабрик, очень мало»²⁶. Тактика, использованная меннонитами в данной ситуации, была вполне логичной. Не будучи уверенными в возможности достижения цели – повлиять на возможность отмены законодательства, они пытались, как минимум выиграть время.

Казалось, вся страна ополчилась против колонистов: власть, дворянство, российская буржуазия, крестьянство, не противившееся мероприятиям и ждущее момента присвоения отобранных у колонистов земель. Но в непредсказуемый сценарий антиколонистского законодательства вмешались два объективных участника: военная экономика и фактор времени.

Поддержка колонистов прозвучала не только из стен Государственной Думы... Удивительно, что слова поддержки исходили, в том числе и со стороны российского антрепренёрства. Московское купеческое общество провело исследования о роли немецкого капитала в экономике различных губерний России. На основании полученных комиссией ответов в условиях продолжающейся антинемецкой кампании были сделаны весьма взвешенные выводы. В них не содержалось враждебности по отношению к деятельности немецких предпринимателей, а был представлен достаточно беспристрастный анализ особенностей их деятельности, которые позволили бы предпринимателям быть успешными в бизнесе. Как следует из отчёта, российские предприниматели «мало следят за интересами потребителя, не считают нужным заботиться о приспособлении к его вкусам и аккуратном выполнении заказов. Ещё меньше беспокоятся они об организации сбыта своих изделий, не имеют достаточного штата комиссаров, мало пользуются рекламой, не имеют прейскурантов и т.д.»²⁷ Российским предпринимателям, по мнению комиссии, необходимо научиться у немцев производству товаров без брака, удешевлению товаров без понижения качества; предупредительному отношению ко всем покупателям; умению не приспособливать рынок к своим изделиям, а изделия приспособливать к покупателю²⁸. Таким образом, результаты деятельности комиссии подтверждают, что успешность деятельности немецких предпринимателей, прежде всего, объясняются их личным трудолюбием и умением работать, а не особыми условиями, созданными для них в государстве.

В начале марта 1916 г. также стало известно, что местные власти сдерживают реализацию «ликвидационных законов». Указом от 19 августа 1916 г. на два года была приостановлена публичная продажа земель, на которых были расположены промышленные заведения. При этом для предприятий, производивших оборонную продукцию, данный срок предполагалось увеличивать...

Части меннонитских предприятий удалось получить военные заказы. Тот факт, что данные производства приняли на себя столь непростое обязательство, и к тому же по несколько заниженным ценам, чем требовали российские монополии, было важным фактором элементов толерантного отношения по отношению к предпринимательству. Выполнение военных заказов также позволило меннонитам не только сохранять своё право на владение предприятиями, но и создать вполне благоприятные условия для нормального функционирования производств в условиях военного времени, когда спрос на «мирную» продукцию резко понизился.

Военные заказы «Леппу и Вальману», а равно и другим меннонитским фабрикам, были обеспечены деятельностью Александровского Военно-промышленного комитета – общественной организации предпринимателей. Александровский военно-промышленный комитет являлся самой активной подобной организацией из всех на территории южных губерний.

Как следует из документов, лишь наиболее известные и наиболее крупные меннонитские предприятия, которые зарекомендовали себя в предвоенный период, а также имели достаточно связей в столичных ведомствах, сумели получить военные заказы. Такой контракт был стратегическим успехом для предприятия и их собственника. Относительная успешность Екатеринбургских меннонитов также определялась согласованностью их действий. Во время войны 1914 г. одно из наиболее важных заданий было дано Иоганну Эзау, который заведовал «бизнес подразделением». Вне всяких сомнений, что именно Эзау способствовал получению привилегий для большой группы меннонитов, занимающихся бизнесом. Он оказался талантливым менеджером, и в той деятельности имел много помощников из меннонитов и работал для организации особых подразделений меннонитов, в том числе и для Красного креста²⁹. Легко заметить, что в данной ситуации каждый из владельцев предприятий находился в отдельной ситуации. Образ сообщества утратил свою монолитность. «Разобщены, следовательно, легко уязвимы» – данный силлогизм

был весьма верным объяснением положения не только меннонитских предпринимателей, но и колоний в целом.

Заключение. Ликвидационное законодательство являлось наивысшим проявлением развития «антиколониистских настроений» и его порождения – «немецкого вопроса» в России – наивысшим по степени накала страстей и безрассудства для государства, которое находилось в состоянии войны и нуждалось в этой связи в крепкой экономике. Динамика немецкого вопроса имела глубокие ментальные корни, состояла в сфере решения проблем собственности, поэтому меннониты-предприниматели не могли просто «отойти», «переждать», даже в том случае, если законодательство не затрагивало немецкую промышленность непосредственно.

Государство активно использовало «социальные презентации» отдельных этнических групп как политическую технологию в достижении собственных целей. Это была опасная игра, которая приводила к социальной дестабилизации и, следовательно, оказывала опосредованное влияние на ослабление государства. Понимая, либо до конца не осознавая смысл своих действий («не ведает рука, что творит»), власти манипулировали общественным сознанием, «назначали» ту социальную группу, которая должна была нести ответственность за многочисленные проблемы российского общества.

В отношении ответственности самих меннонитов заметим. После утраты привилегий меннониты упустили шанс формирования вокруг сообщества соответствующий времени новый социальный имидж. В условиях замедленной, но реально происходящей российской эмансипации им следовало позаботиться о транслировании «презентации конгрегации» всему российскому обществу. При том, что благотворительность и производственная деятельность предпринимателей имела место и была практическим шагом в данном направлении, сведения об этом часто не были публичными. Каковой же была возможная эффективная стратегия сообщества и его лидеров? Похоже, меннонитским группам следовало осознать необходимость превращения из микро-гражданских коллективов «для себя» в сообщество, занимающее активную позицию и умеющее действовать активно в политическом пространстве Российской империи. Политическое самоопределение и более активная политическая программа позволила бы ангажировать большее количество союзников среди сторонников поддерживаемых ими партий, в также использовать демократические и юридические рычаги для решения собственных

проблем. Ответственность за это ложилась и на меннонитское предпринимательство, преимущественно на антрепренёрскую элиту.

Определённо негативным прогнозом для российского общества был тот факт, что общественность во многом либо отмалчивалась, либо поддерживала развитие данных законов. 1915 г. был «великой репетицией», «великим прологом» гражданской войны, лакмусовой бумажкой на правовую и гражданскую зрелость. Ликвидационное законодательство вновь продемонстрировало отсутствие «социального пространства», социальной свободы за пределами «государственной пользы», другими словами, отсутствие правового государства. Российское общество продемонстрировало, как легко оно может принимать условия гражданской войны, поддерживать незаконные политических сил, находящихся у власти, и с какой лёгкостью общество может поддержать начинания правительства, которое было направлено против законных граждан российского государства. Данные события были талантливым (точным) пророчеством некоего виртуального режиссёра, который желал показать «публике» её будущее. Но публика, увлекаясь перфомансом, в целом осталась безучастной к идее зрелища, тем самым, способствуя превращению виртуальности в реальность, в предсказание будущего.

Примечания

¹ *Государственный архив Одесской области.* – Ф. 89, оп. 1, д. 1465, л. 3; Д. 1425, л. 12-17.

² *Lohrenz, G. Zagradovka / G.Lohrenz.* – Winnipeg, 2000. – P. 13.

³ *Письма герцога Армана Эммануила де Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу. 1803-1814 / сост. и ред. О.В.Коновалова.* – О., 1999. – С. 63.

⁴ Там же.

⁵ *Российский государственный исторический архив (Россия, Санкт-Петербург).* – Ф. 383, оп. 29, д. 609, л.2. – Далее: РГИА.

⁶ *Клаус, А. Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России / А.Клаус.* – С.Пб., 1869. – С. 10; *Фадеев, А.М. Воспоминания / А.М.Фадеев // Русский архив.* – М., 1891. – Кн. 2. – С. 47-48.

⁷ *Скальковский, А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае: Статистический очерк / А.Скальковский.* – О., 1842. – С. 129-139.

⁸ *Armstrong, J.A. Mobilized an Proletarian Diasporas / J.A.Armstrong // The American Political Science Review.* – Vol. 70. – No. 2. – P. 393-408.

⁹ *Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века / В.И.Бовыкин, В.В.Журавлев, Ю.А.Петров и др.* – М., 1997. – С. 56.

¹⁰ *Центральный государственный исторический архив Украины (Киев).* – Ф. 575, оп. 1, ч. 1, д. 243, л. 3. – Далее: ЦГИАУ.

- ¹¹ Там же. – Л. 6.
- ¹² РГИА. – Ф. 23, оп. 28, д. 22, л. 1-39.
- ¹³ Государственный архив Днепропетровской области. – Ф. 11, оп. 1, д. 1074, л. 379-379 об.
- ¹⁴ Martin, T. The Mennonites and the Russian State Duma / T.Martin // The Donald W. Treadgold Papers. – Washington. – Paper No. 4. – P. 20.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Дякин, В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья / В.С.Дякин // Первая мировая война. – М., 1968. – С. 227-238.
- ¹⁷ Доклад комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. – М., 1915.
- ¹⁸ РГИА. – Ф. 821, оп. 133, д. 319, л. 74.
- ¹⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате за 1915 г.: в 2 ч. – Петроград, 1915. – Ч. 1. – № 1113, 1609.
- ²⁰ ЦГИАУ. – Ф. 575, оп. 1, ч. 1, д. 766 а, л. 2.
- ²¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате за 1916 г.: в 2 ч. – Петроград, 1916. – Ч. 1. – № 21.
- ²² Там же. – № 26.
- ²³ Там же. – Ч. 2. – № 2372.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ РГИА. – Ф. 1483, оп. 1, д. 20, л. 20.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Доклад комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. – С. 61.
- ²⁸ Там же. – С. 62.
- ²⁹ Heese, P. Jecaterinoslav / Peter Heese // Mennonite Heritage Center Archive. – Vol. 5015. Small Archives. – P. 11.

Надійшла до редколегії 22.08.2007